

19 мая на очередном заседании семинара с докладом «**“Фрегат “Паллада”” И. А. Гончарова как лексикографический источник**» выступила Е. А. Щеглова (Санкт-Петербургский государственный университет).

Очерки путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова — литературный результат путешествия, предпринятого автором в 1852-1855 гг. в составе русской экспедиции к берегам тогда ещё практически закрытой для мира Японии. Произведение Гончарова, по сути, подвело итог периоду 40-50-х годов XIX века, который можно считать временем расцвета литературы путешествий, выполняющей культурно-просветительские задачи, и одновременно послужило дальнейшему его развитию. Жанрово-стилистическая специфика «Фрегата “Паллада”» отражает всю сложность жанра путешествия в целом. Обращает на себя внимание разница в жанровых определениях и в исследованиях разного времени и разных направлений: «путевые очерки» (М. С. Горенштейн), «путевые заметки» (А. В. Чичерин), «эпопея» (А. В. Дановский) и даже «географический роман» (В. А. Недзвецкий). Эту эклектичность подходов к жанровой природе «Фрегата “Паллада”» можно объяснить его синтетичностью, ощущаемой многими исследователями и проявляющейся на всех уровнях текста: в подаче материала, сюжете, стиле, языке. Как правило, исследователи говорят о сочетании научного, публицистического и художественного начала в подаче материала, что подтверждается анализом языка произведения Гончарова. Рассуждения о жанрово-стилистической природе «Фрегата “Паллада”» приобретают особую научную значимость, если учитывать возрастающее влияние научного и публицистического стилей на развитие русского языка второй половины XIX века, что отмечается всеми исследователями истории русского литературного языка. «Путешествие» как сложный синтетический жанр подвергается значительному влиянию языка научных и публицистических очерков, содержащихся в больших количествах на страницах периодических изданий того времени, соответственно, изучение очерков путешествия Гончарова как произведения, отражающего языковые особенности своего времени, имеет очевидную историко-лексикологическую перспективу.

Наше исследование лексического состава произведения Гончарова шло с применением одновременно методов лексикологии и лексикографии (был создан электронный конкорданс, на его основе создавался словарь произведения). Результаты исследования показали, что очерки путешествия Гончарова являются ценным лексикографическим источником. Основная тенденция, характеризующая развитие литературного языка середины и второй половины XIX века, — чрезвычайная подвижность его лексико-семантической системы: активно заимствуется новая лексика, во множестве образуются дериваты от уже существующих слов, происходят многочисленные семантические изменения. В этом отношении очерки

путешествия «Фрегат “Паллада”» предоставляют богатый материал для научного анализа и систематизации. Лексика и фразеология произведения образуют единую систему, состоящую из многих элементов, объединённых авторским замыслом. Среди всех лексико-фразеологических средств очерков можно выделить следующие группы: 1) по происхождению: а) иноязычная лексика нетерминологического характера (в том числе неологизмы XIX века), б) экзотизмы, в) иноязычные вкрапления, г) варваризмы, д) церковнославянизмы; 2) по сфере употребления: а) диалектизмы, б) специальная лексика и фразеология (научная и профессиональная терминология и номенклатура, собственно профессиональная лексика); 3) стилистически маркированные лексико-фразеологические единицы: а) поэтизмы; б) разговорные и просторечные элементы. Лексико-фразеологические единицы каждой из групп демонстрируют в преломлении авторского употребления новые оттенки смысла, качественные и оценочные коннотации. Словарная фиксация подобных изменений в семантике слов не только даст возможность для изучения особенностей авторского словоупотребления, но и станет материалом и дополнением к историческому «Словарю русского языка XIX века».

В качестве примера группы слов, демонстрирующих подобные подвижки внутри смысловой структуры, приведём прилагательные, образованные от топонимов. В ряде случаев особенности употребления оттопонимических прилагательных обусловлены экстралингвистическими причинами. Бурное развитие мировой торговли в то время приводит к необходимости появления номинаций товаров мирового рынка. Часто в роли таких номинаций выступают сочетания существительного с оттопонимическим прилагательным, обозначающим место производства данного товара, развиваются сочетания связанного типа с терминологическим значением. Оттопонимическое прилагательное в условиях функционирования в тексте может приобретать соответствующие коннотативные смыслы, содержащие качественную оценку производимого на определённой территории товара. В этой связи на первый план выходит роль контекста, в котором оттопонимические прилагательные участвуют в сопоставительных конструкциях: *«Но, по качествам своим, эта шерсть (производимая на мысе Доброй Надежды – Е. Щ.) стоит наравне с австралийскою, а последняя высоко ценится на лондонском рынке и предпочитается ост-индийской»* [Гончаров 1997: 163]. В этом случае *австралийская* в своей семантике приобретает коннотативное значение 'хорошая'. Подобным образом эталоном качества для риса является *японский рис* в сравнении с произведённым на Ликейских островах: *«Но дань платится натурою: рисом, который выше всех сортов, и даже японского, также табаком, амброй, тканями из*

банановых волокон и саки» [Гончаров 1997: 504]¹, в сравнении с манильским табаком – гаванский: «Он сказал, что **табак манильский** отнюдь не хуже **гаванского** и что здесь только недостает многих приемов приготовления и, между прочим, свертка нехороша» [Гончаров 1997: 554], в дальнейшем есть пример употребления прилагательного *манильский* в значении 'хороший': «Обеды Н. Н. Муравьева прекрасные, общество избранное и веселое, **вино**, до которого, впрочем, мне никакого дела нет, **отличное**, **сигары** – из первых рук – **манильские**, и состояние духа у всех приятно» [Гончаров 1997: 631]. А чай сопоставляется с китайским чаем: «Чай **отличный**, как **жёлтый китайский**» [Гончаров 1997: 359]. Если условно разделить каждый из приведённых выше примеров на две части: сравниваемое и сам сопоставительный оборот, то обнаружится, что все оценочные элементы сосредоточены в первой части (*высоко ценится, выше, не хуже*), во второй же эту функцию берут на себя относительные оттопонимические прилагательные. В примере с японским рисом обратим внимание и на выражение авторской модальности с помощью наречия *даже* – автор уже успел лично попробовать японский рис и оценить его качество.

Если австралийская шерсть, китайский чай, гаванский табак являются, вероятнее всего, известными читателю эталонами качества соответствующего вида продукта, то существуют и продукты производства, которые автор открывает для себя в ходе путешествия. Они также могут приобретать качественные коннотации, но появляются они непосредственно в тексте, о традициях английского чаепития автор замечает: «*И от чая требуют того же, чего от **индийских сой и перцев**, то есть чего-то вроде яда*» [Гончаров 1997: 409-410]. Этому фрагменту в тексте предшествует авторское пояснение к слову *карри*, в котором есть следующий элемент: «...с **едким соусом**, который *составляется из десяти или более **индийских перцев***». Карри не нравится автору своей чрезмерной остротой, и он переносит одно неприятное вкусовое впечатление на другое, в результате чего и рождается добавочный смысл сочетаний *индийские сои и перцы*; в приобретении дополнительного эмоционально-оценочного оттенка смысла участвует также пояснительная конструкция: то есть *чего-то вроде яда*.

Ценным лексикографическим материалом, представленным во «Фрегате “Паллада”», представляются также редкие по употреблению слова. Интересной в этом отношении является группа экзотизмов, отличающаяся достаточно большим тематическим разнообразием. Можно выделить следующие тематические группы экзотизмов: 1) растения; 2) животные; 3) народы и племена, а также их отдельные представители; 4) люди по должности или профессиональной деятельности; 5) предметы быта;

---

¹ О высоком качестве японского риса писал и Д. Н. Анучин в своей работе «Япония и японцы» (1907): «Так как японский рис отличается высокими качествами, то известное количество его вывозится из Японии (на сумму до 7 млн. иен), но зато ввозится более дешёвый рис (более низкого качества) из Аннама, Сиам и проч.» [Анучин 1954: 224].

б) культурные реалии; 7) природные явления. Экзотизмы создают необходимый колорит, служат своеобразными маркерами пути: каждой посещаемой автором географической точке соответствуют свои собственные идентифицирующие реалии, а значит, и свои номинации. При этом они представляют собой иноязычную лексику разной степени адаптации в языке. Среди них есть уже достаточно употребительные, известные в более ранние периоды существования языка и зафиксированные историческим «Словарём русского языка XVIII века» и «Словарём русского языка XI–XVII веков». Но есть и совсем редкие для XIX века, при этом их дальнейшая судьба в языке может складываться совершенно по-разному.

В качестве примера можно привести хорошо всем известное теперь слово *карри*. Интересно уже пояснение к слову *карри*, даваемое Гончаровым для своих читателей в очерках: «...*карри*, подаваемое ежедневно везде, начиная с мыса Доброй Надежды до Китая, особенно в Индии; это говядина или другое мясо, иногда курица, дичь, наконец, даже раки и особенно шримсы, изрезанные мелкими кусочками и сваренные с едким соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев. Мало того, к этому подают еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, от которой блюдо и получило свое название. Как необходимая принадлежность к нему подается особо варенный в одной воде рис» [Гончаров 1998: 143]. Из этого описания следует, что карри – это блюдо как таковое, при этом название его возводится к названию некой «чуть не ядовитой» сои. Слово *соя* используется в значении 'род приправы к снедам, состоящей из поливки' [Сл 1847, IV], при этом значения растения семейства бобовых в указанном словаре не содержится вовсе. В словаре Березина приводятся два значения: растение и соус, а также уточняется: «...этим именем называют всякую острую приправу к кушаньям» [Березин, IV, II], актуализируется сема 'острый', значимая для понимания семантики слова в употреблении Гончарова. Сходную семантику приписывает слову *карри* и А. Н. Краснов в путевых очерках «По островам Далёкого Востока» (1895): «В Британской Индии и английских колониях Китая давно распространено кушанье, по-видимому, также взявшее начало из туземного кулинарного искусства – так называемое *curry*. Это *кэрри* есть рис, смоченный подливкой из перцу и куркума, которому в виде приправы служат яйца, куски мяса и сушёные рыбки» [Краснов 1895: 282]. Оба значения (соус, приправа и блюдо) демонстрирует географический сборник «Азия» (1904): «Серцевина тамариндового дерева – необходимая составная часть так называемой “перечной воды” и острого соуса “*кэрри*” (от туземного слова “*kara*” – острый)» [Азия 1904: 298]; «часто игуаны становятся жертвами туземцев, охотящихся на эту ящерицу ради её мяса, которое они кладут в кушанье “*кэрри*”» [Азия 1904: 310]. Обратим внимание и на существование второго варианта написания слова, употребляемого в обоих источниках – *кэрри*. Между тем, слово фиксируется в словарях иностранных слов XIX и начала XX веков и имеет в них одно значение: 'ост-

индская пряность, приготовляемая из истолченных листьев различных растений' [Михельсон 1865]. Таким образом, мы видим расхождение со словарным значением слова и его реальным употреблением, возникающее, по всей вероятности, из-за метонимического переноса названия пряности на название блюда, невольно производимого теми, кто соприкасался в реальности с экзотической номинацией *карри* и обозначаемым ею предметом.

В каждом языковом факте, представленном на страницах очерков путешествия И. А. Гончарова, можно найти отражение общих тенденций развития языка второй половины XIX века, следование канонам жанровой формы (в несколько условном понимании жанра «путешествия»), обуславливающее присутствие в тексте определённых тематических групп лексики, проявление индивидуальных особенностей языка и стиля. Слово обладает уникальной способностью сохранения культурной памяти, поэтому важное значение приобретает констатация в нем мельчайших семантических сдвигов. Между тем, современные толковые словари не могут передать этой динамики изменений словарного состава языка. Это, безусловно, является задачей словарей исторических, нацеленных на отражение динамики лексико-семантической системы языка. Авторы Проекта «Словаря русского языка XIX века», указывая на высокую интенсивность лексико-семантических процессов в течение XIX века, отмечают актуальность диахронического подхода к описанию лексико-семантической системы этой эпохи и определяют предмет описания Словаря как динамику «лексико-семантической системы в ходе эволюции нормы в направлении к современности» [Проект 2002: 12-13].

Литература

1. Азия. Иллюстрированный географический сборник. Издание III, исправленное и дополненное. М., 1904.
2. Анучин Д. Н. Географические работы. М., 1954.
3. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2.
4. Краснов А. Н. По островам Далёкого Востока: очерки путешествия. СПб., 1895.
5. Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865.
6. Русский энциклопедический словарь / Гл. ред. И. Н. Березин. СПб., 1873-1879.
7. Словарь русского языка XIX века. Проект. СПб., 2002.
8. Словарь Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1847.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890-1907.